

*Маме и папе,
с любовью и благодарностью*

октября 1847 года

Моя дражайшая Мэри,

я едва успела расстаться с тобой и уже пишу первое письмо домой. В моих ушах до сих пор звучат слова отца, который призывал «держаться» и сначала все обустроить, но мои мысли кажутся неискренними до тех пор, пока я не поделюсь ими с тобой. Очень надеюсь, что ты сможешь ответить со всей поспешностью и рассказать о том, что произошло в мое отсутствие. Мне особенно хочется узнать, оказалась ли Флора Д. настолько же завистливой, какой казалась. Некоторые могут подумать, что грешно осуждать такое хрупкое существо, но тебе известно, как она изводила меня сетованиями на мою дурноту и непривлекательность. Надеюсь, теперь она горько сожалеет о своем мнении!

Твоя «бедняжка Джесси» наконец нашла себе хорошую пару. Мне кажется, я как будто дергала жизнь за рукав, приглашая ее потанцевать со мной, и наконец, приглашение было принято. Понимаю, что ты тревожишься, но меня заботит лишь то, что домашние поймут характер нашего быстрого союза. Готовность мистера Локхарта к женитьбе проистекает от его пылкого восхищения и напряженных обстоятельств его важной работы.

После всех домашних треволнений путь до Эдинбурга казался очень долгим, и мне все еще кажется, будто я тря-

сусь в экипаже. А булыжная мостовая, когда мы подъехали ближе... Боже ты мой! Я думала, у меня выпадут все зубы! Мистер Локхарт рассмеялся, когда я рассказала ему об этом, и ласково похлопал меня по руке. Нам до сих пор немного неловко друг с другом, но, наверное, это нормально.

Когда мы приехали, погода была ясной не по сезону, и дом предстал в лучшем виде. Там больше деревьев, чем я могла представить, когда рисовала «Олд Рики» в своем воображении; с огненно-алыми листьями на фоне серого камня мой новый дом выглядит просто замечательно. Мистер Локхарт не преувеличивал, когда описывал свой городской дом; он большой и величественный, с четырьмя этажами и крыльцом перед парадной дверью, с блестящими черными перилами. Признаюсь, я чувствовала себя недостойной такого места пребывания, но надеюсь, что смогу приспособиться со временем. Высокие потолки и широкие лестницы кажутся неуютными, да мебели явно недостаточно. В некоторых комнатах мебель накрыта чехлами, как будто там до сих пор соблюдают траур, а другие вообще стоят пустые. Там еще и холодно, поскольку мой муж (видишь, как я стараюсь привыкнуть к этому слову) предпочитает экономить уголь. Но не волнуйся за меня; думаю, здесь всего в избытке. Мистер Локхарт очень занят — как на работе, так и с людьми, которые днем и ночью обращаются к нему за советами. Здесь жизнь совсем не такая, как в нашем тихом захолустье, и я иногда боюсь, что подведу его. Но пора остановиться, пока я не начала нести вздор.

Я ужасно скучаю по тебе и остальным членам семьи; в душе я остаюсь все той же маленькой Джинти. Пожалуй-ста, поцелуй за меня отца.

С неизменной любовью,

миссис Джесси Локхарт
(твоя маленькая Джинти).

Глава 1

Все мы ежеминутно умираем, просто некоторые из нас острее чувствуют это.

Стелла Джексон положила руку над сильно бьющимся сердцем и попыталась задержать дыхание. Знакомое напряжение в груди усилилось и превратилось в железный обруч, все сильнее сдавливавший ее ребра с каждым следующим вдохом, пока она не начала хватать ртом воздух. Стелла вытянула руку, инстинктивно пытаясь обрести равновесие и расслабить колени на тот случай, если она потеряет сознание и упадет. Так бывало уже много раз, и она знала, что лучше обмякнуть, как ватная кукла, чем рухнуть, как дерево.

Его куртка по-прежнему висела в платяном шкафу. Стелла не думала о нем, когда открыла дверцу; она даже не вспоминала о нем с тех пор, как проснулась, оделась и выпила утренний кофе. Теперь это маленькое чудо улетучилось при виде его синей прогулочной куртки из материала, похожего на замшу. Одна из его любимых вещей. Стелла покатала мягкую ткань между большим и указательным пальцами, задаваясь вопросом, как он обходится без этой куртки и вообще заметил ли он пропажу?

Она прислонилась к стене и толчком ноги закрыла дверь шкафа. Это не помогло; вред уже был нанесен. Синяя куртка Бена. Бен. Она закрыла глаза и подогнула ноги, скользя вдоль стены, пока не оказалась на полу спальни.

Потом она запрокинула голову, и пришли слезы, которые она монотонно утирала рукавом шерстяного кардигана.

Ее телефон зазвонил. Экран был размытым от слез, но Стелла поняла, что звонили из агентства. Должно быть, ей собирались сообщить о новой работе или напомнить о старой, срок собеседования на которой истек. И то и другое было одинаково неприятно, поэтому Стелла решила звонок проигнорировать. На нее всегда можно было положиться, но нервный срыв все разрушил, включая ее рабочий этикет.

Когда Стелла утерла слезы и смогла нормально видеть, она просмотрела электронную почту и постаралась ответить на все более озабоченные, а иногда и раздраженные сообщения от ее лучшей подруги Кэтлин. Так она хотя бы отвлекалась от пустых навязчивых мыслей. Во входящей почте было и электронное сообщение от ее матери, интересовавшейся, не сможет ли она приехать в гости на выходные. Там упоминалось о ленче с жареным мясом и о неспешной загородной прогулке. Стелла попыталась представить это — вообразить домашний уют, заполняющий пустоту, зиявшую у нее внутри. Было бы легко вернуться домой в Рединг, свернуться калачиком в старой и знакомой спальне и войти в прежнюю роль. Бедная маленькая Стелла. В одно мгновение греза о реальной жизни развеется как дым.

Почему он оставил куртку? Неужели он хотел, чтобы у него был повод возвратиться? Оставить повод для возобновления их отношений? Впрочем, судя по всему, он не нуждался в предложениях, поскольку звонил ей, отправлял эсэмэс и электронные письма каждую неделю после своего ухода. Возможно — хотя Стелла признавала, что это была отчаянная и тщетная мысль, — но возможно, он хотел оставить какую-то частицу себя в их прежнем доме. Возможно, это означало, что наваждение было временным и скоро она очнется от кошмара.

Стелла поднялась с ковра и пошла в ванную, чтобы умыться. Она старалась не смотреть на свое отражение в зеркале. Большие каменные плитки, так тщательно выбранные ею, теперь как будто смыкались вокруг. Она покрыла стены и пол плиткой одного цвета с мыслью о «шикарном минимализме», но это лишь усиливало ощущение закрытой коробки.

Внизу, на низком столике в гостиной, ее дожидалась вторая чашка кофе, и телевизор показывал изображение с выключенным звуком. Стелла уже понимала, что больше не может оставаться в этом доме. Она продержалась четыре месяца, убеждая себя, что оставила главные трудности позади и встала на ровный киль, — плюс тысячу других банальностей о способности пережить день, не сваливаясь в черную дыру, — но куртка вдребезги разбила эту иллюзию.

— Все очень плохо, — тихо, почти шепотом произнесла Стелла, обращаясь к столу. Слова прозвучали как обещание. *Все очень плохо. Все очень плохо.*

Стелла заставила себя очнуться. Она приготовила еще кофе и разрежала яблоко, лежавшее нетронутым на тарелке, собираясь с силами для звонка в агентство. Она узнает, сможет ли получить работу хотя бы до конца недели. Ей не хотелось заглядывать дальше, но это было уже начало. Кейтлин была права — Стелла нуждалась в рутинной работе, которая поможет ей вернуться в нормальное состояние. Сначала она разобралась со стиркой, аккуратно складывая и расправляя одежду, пока не почувствовала, что ее дыхание стало глубоким и ровным. Во всяком случае, таким ровным, как обычно. Телефон снова зазвонил, заставив ее вздрогнуть, хотя она знала, что, скорее всего, это «холодный звонок»¹ с предложением банковской страховки или

---

¹ «Холодный звонок» — звонок без предварительной договоренности ради предложения товаров и услуг; обычно делается по клиентской телефонной базе. (Здесь и далее прим. пер.)

оконных стеклопакетов. Но на экране высветился номер Бена, и сердце Стеллы гулко забилося в груди. Противиться не было никакой возможности. Она могла игнорировать его звонок с таким же успехом, как и улететь в окно.

— Дорогая, — голос Бена пронзил ее томительной дрожью с головы до ног. Она закрыла глаза, как будто это могло помочь.

— Я опаздываю на работу, — солгала Стелла. Она гадала, собирается ли он спросить о своей куртке и о том, как она расстроится, если он спросит об этом. Ей всегда казалось, что они так тонко настроены друг на друга, что между ними должна существовать некая психическая связь. Но сейчас ей не хотелось убедиться в доказательстве такой связи — от этого стало бы только больнее.

— Это займет не больше минуты, — сказал Бен. — Мне просто нужно навести кое-какие справки. Это насчет дома.

Насчет дома, а не «нашего дома». Стелла рефлекторно прижала руку к груди, но ее сердце не ускорило ход.

— Я по-прежнему думаю, что ты должна сохранить его, — продолжал Бен, не подозревавший о ее чувствах. — Мне не нравится мысль о том, что тебе придется переехать. Я мог бы поддержать тебя в финансовом отношении, если ты скажешь сколько...

— Смена обстановки пойдет мне на пользу, — перебила его Стелла. Ей не нужны были его деньги в качестве отступного, и она не хотела говорить о закладной, финальной трещине в их некогда тесно переплетенных отношениях.

— Но это лишь вопрос нескольких месяцев — до тех пор, пока ты твердо не встанешь на ноги. Или до тех пор...

Стелла предчувствовала продолжение — «до тех пор, пока ты не найдешь себе кого-нибудь еще», — и быстро заговорила, не давая ему закончить:

— Я хочу переехать на новое место. Это будет классно.

Классно? Откуда ей пришло в голову это слово? Хуже не придумаешь.

— Понимаю, — произнес Бен непривычно сдержанным тоном. Ей так сильно не хватало его. Не того Бена, который обращался к ней в данный момент, не того, кто так мягко говорил с ней, как будто опасался, что она может вот-вот сломаться, — но прежнего Бена. Того Бена, чью куртку она обнаружила в платяном шкафу. Того Бена, который любил ее. Того мужчины, который хотел строить свою жизнь вместе с ней.

— Я знаю, что это было тяжело, — говорил Бен, — но, по словам твоей мамы, ты по-прежнему собираешься продать дом, и мы оба думаем, что это будет слишком поспешным поступком. Я хочу сказать, что это непростое дело в душевном плане.

Он сделал паузу, и Стелла задумалась, когда он последний раз звонил ее матери. Раньше они постоянно общались друг с другом. Она могла слышать, как он звонит ее матери и сообщает новости о здоровье Стеллы, о ее последней проверке и о том, как она вообще поживает. Стелла притворялась раздосадованной и повторяла «не говори обо мне», но на самом деле ей это нравилось. Это создавало ощущение надежности, позволяло чувствовать себя любимой и защищенной.

Не дождавшись ответа, Бен протяжно вздохнул. Это был вздох из разряда «зачем ты все усложняешь?». Вздох терпеливого, настрадавшегося мужчины, который старался урезонить ее.

— Мне просто не нравится мысль о том, что тебе придется пережить очередной катаклизм. И я знаю, тебе нравится этот дом. Не нужно принимать поспешных решений, о которых придется пожалеть в будущем.

Стелла уперлась взглядом в обои. Они были покрыты красивым абстрактным узором от Гильдии дизайнеров и обошлись в целое состояние. Бен был прав: она действительно любила этот дом и знала, что он разделяет ее чувства. Ее посетила невольная мысль, что это отчасти объ-

ясняло его нежелание окончательно расставаться с домом. Ему не хотелось, чтобы дом достался чужому человеку, даже если он сам больше не хотел жить в нем.

— Это эгоизм с твоей стороны, — сказала Стелла и удивилась собственным словам. — Мне нужно двигаться дальше. Что толку топтаться на одном месте?

— Я все понимаю, — быстро сказал Бен. — Поступай так, как будет лучше для тебя. Только я хочу, чтобы ты еще подумала. Обещай мне, что немного подумаешь об этом.

Стелла слишком долго стояла. Она пыталась не видеть перед собой картину того, как кто-то наливает жидкость из кувшина в ее грудную клетку, но это становилось все труднее.

— Хорошо, — ответила она, чтобы завершить разговор. Нужно было попрощаться и повесить трубку, но она не могла этого сделать. Какая-то часть ее существа все еще ждала, что Бен скажет, как он ошибся и как хочет к ней вернуться. Глупая крошечная часть, не способная уследить за ходом событий.

— Ну, ладно, — сказал он. — Тогда я больше не буду задерживать тебя.

Стелла едва не сказала, что не собирается никуда идти, забыв о своих прежних словах.

— Пока, пока, пока, — трижды произнес Бен по своему обыкновению и сразу же повесил трубку, не дожидаясь ответного прощания.

У Стеллы закончились силы. Она опустилась на диван с телефоном в руке и постаралась не думать о том, что сейчас ей следует находиться на работе. Душевные страдания не означали, что она не нуждалась в деньгах, но трудно находить стимулы для борьбы, обреченной на поражение. Она понимала, что не сможет выкупить заложную, даже если будет работать семь дней в неделю, и что продажа дома станет очередным этапом этого жуткого процесса.

Она прочитала последнее сообщение от Кэтлин. *Поступай так, как тебе захочется. Было бы хорошо встретиться с тобой.* Они с Робом приглашали Стеллу пожить у них с тех пор, как ушел Бен, и она каждый раз отказывалась. Сначала она отрицала случившееся и ждала, когда Бен изменит свое решение. Потом она не могла и помыслить о расставании со знакомой обстановкой. Теперь Стелла смотрела на черные буквы на освещенном экране и гадала, как быть дальше. Возвращаться в Шотландию было бы нелепо; к тому же Кэтлин и Роб могли сделать свое предложение просто из вежливости. На протяжении всей их дружбы Кэтлин выступала в роли опекуна и, возможно, вздохнула с глубоким облегчением, когда Бен взял Стеллу под свою опеку, а ее нынешнее предложение было продиктовано чувством долга. Стелла знала, что на самом деле это неправда — или, по крайней мере, отчасти неправда, — но даже такое осознание причиняло боль. *Бедная Стелла, она такая хрупкая.* И теперь, когда ее физическое сердце было приведено в относительный порядок, ее метафорическое сердце разлетелось на части.

Она должна была остаться, упаковать вещи Бена и отвезти их к нему на квартиру, как поступают взрослые люди. Она должна была позвонить в агентство и получить работу до конца месяца. Отправиться домой к родителям на выходные, приятно улыбаться, изображать присутствие аппетита, смеяться над ужасными отцовскими шутками и заверять их, что у нее все хорошо, просто замечательно.

В одном из своих самых ранних воспоминаний Стелла находилась в хирургической палате и сидела на краю кровати, которая казалась очень высокой. Разумеется, это была стандартная больничная койка, но маленькая Стелла боялась упасть. Она была раздета до пояса и срывала электроды с груди так же быстро, как врач успевал снова прикрепить их на место. Ее руки так и мелькали, отрывая ненавистные штуки, ужас пересиливал детское воспитание.